

Владимир Лосский
Личность и мысль Святейшего
Патриарха Сергия

Прошло больше года со дня кончины святейшего Патриарха Сергия — год победы, год великих свершений и новых заданий, год, пресыщенный событиями. Пройдут еще годы, десятки, сотни лет, изменятся судьбы народов, изменится самое лицо земли, но до конца времен Церковь сохранит память великого святителя, наряду с другими именами, которые знает каждый христианин.

Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святой Григорий Богослов мог сказать: «Всё было велико в тебе, великий Василий; одно лишь было мало: всего только восемь лет ты был епископом Кесарии»¹. То же можно сказать о почившем возглавителе Русской Церкви. Всё было велико в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир Русской Империи, мир византийской традиции, восходивший к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир, вне христианства, но не вне божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви. Когда во время японской войны многие умы были охвачены паникой перед лицом вдруг открывшейся неизбежной катастрофы старого режима, епископ Сергий, тогда ректор Петербургской Духовной Академии, говорил студентам: «Да, Российская Империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может». Одной веры было бы недостаточно: надо было иметь особое качество возвышенного ума, способного непрестанно восходить к вечным истинам христианства, отрешаясь от всего случайного, привходящего, наносного. Надо было быть поистине богословом, стяжавшим «ум Христов».

Патриарх Сергий был богослов не по имени только, не потому, что обладал обширной эрудицией в области догматики, патристики и других церковных дисциплин. Он *жил* догматами Церкви; они были для него не внешними формулами, с трудом приемлемыми разумом, а внутренним опытом. Более того: богомыслие стало в нем неотъемлемым качеством его духа, тем качеством, благодаря которому он смог осуществить свое дело, превышавшее всякие человеческие силы. Напомним две истины веры, к которым он постоянно возвращался, которые он неустанно повторял за долгие годы своего служения Церкви. Первая: в изменчивом и текучем мире Церковь одна остается неизменной, непоколебимой, верной своей задаче — в новых исторических условиях. Она должна возжигать в сердцах людей всё тот же божественный огонь, сошедший в день Пятидесятницы на апостолов. Вторая: мир управляется Промыслом Божиим, и нет в нем такой автономной области, которая

находилась бы вне божественной воли; поэтому для христиан не может быть ничего случайного в происходящем, ничто не должно их смущать, приводить в замешательство или в отчаяние. Отсюда два качества Сергия Московского, необходимых для богослова, по мнению святого Максима Исповедника: всегда горячее сердце при спокойном, невозмутимом, холодном уме.

Святейший Сергий мыслил и действовал, как богослов, возводя всё к основным истинам веры. Действительно, все его многочисленные указы, относящиеся к церковной администрации, заключают в себе богословскую основу, которую он вскрывает, обращаясь не к слепому послушанию подчиненных, а к христианскому сознанию сынов Церкви. Можно было бы составить богословский трактат о природе Церкви, собрав отдельные замечания догматического характера, разбросанные в его бесчисленных распоряжениях. Но построение отвлеченной умозрительной системы не входило в задачу Сергия Московского: как епископ, он был призван строить Церковь, «дом Бога Живого», строить из живых, сознательных камней то здание, где каждая часть равняется целому, где человеческая личность никогда не является только средством, но всегда конечной целью всего, здание, план которого начертан Самим Духом Святым. На вопрос иностранного журналиста о его церковно-административной программе Сергий Московский ответил: «Моя программа — программа Духа Святого; я действую сообразно нуждам каждого дня». Это отнюдь не означало в устах святейшего Сергия, что он считал себя лишь слепым орудием божественного вдохновения: такая установка чужда православному пониманию благодати, предполагающему сознательное и трезвенное действие разумной человеческой воли в согласии с волей божественной. Благодатный дар «рассуждения», различения важного, насущно необходимого, от второстепенного, условного, был одним из основных свойств ума покойного Патриарха.

Если в своей церковной деятельности святейший Сергий был богословом, как мы сказали, то и богословие его было действенным, «сотериологическим», направленным к цели спасения, целеустремленным, жизненным. Недаром и основной богословский труд почившего Патриарха был посвящен «Православному учению о спасении». Нам не хватит места, чтобы остановиться здесь на этом замечательном исследовании «субъективно-нравственной стороны спасения». Его основная мысль — тождество добродетели и блаженства, нравственного совершенства и спасения. При таком реальном понимании дела спасения не остается места для так называемой «юридической доктрины» с ее понятиями заслуги, получающей должное воздаяние в вечной жизни. Спасение начинается в этой жизни и состоит в изменении тварной природы, совершаемом божественной благодатью, действующей в согласии с человеческой волей и приводящей ко всё более тесному единству с Богом, к конечной цели обожения тварного бытия.

Ясный и трезвый ум Сергия Московского был чужд поспешных синтезов. Он предпочитал обычно путь анализа, отбрасывая вторичное, идя прямо к существу вопроса, с логической последовательностью, которую поверхностные критики нередко считают признаком рационализма. Но здравый разум отнюдь не является привилегией рационалистов, так же как и неясность мысли далеко не есть принадлежность христианской мистики. Аналитическая мысль святейшего Сергия всегда имеет целью явить неисследимую глубину Откровения, подвести человеческую мысль к тому пределу, за которым возможно лишь созерцание божественной тайны. Его «рационализм» ограничивается чисто негативной задачей: отделить христианское тайноведение от всего, что стремится заменить тайну — доктриной, созерцаемую в духе реальность — системой человеческих понятий или представлений. В своем указе

по поводу учения ныне покойного протоиерея С. Булгакова святейший Сергей противопоставляет в этом смысле христианское богословие доктринам гностиков: «Приходя к христианству с остатками языческой философии, гностики не могли не столкнуться с церковным учением. Верная евангельскому слову — "Бога никто не видел никогда" (Ин. 1, 18), Церковь не требовала: "Покажи нам Отца" (Ин. 14, 8), чтобы познать Его нашим земным познанием. Слава Божия в том, что Он есть "Бог неизречен, невидим, непостижим" (евхаристическая молитва литургии свт. Иоанна Златоуста). Откровение о Небесном Отце нельзя низводить на уровень обычной любознательности, тем паче — бесцеремонно переправлять его, мешая пшеницу с плевелами. Для верующего — это святыня, к которой приблизиться можно, только "иззув сапоги" (Исх. 3, 5), очистив себя не только от греха, но и от всяких чувственных, вещественных образов («неприступный мрак в видении»). Гностики же искали философского познания, а так как откровенное учение о Боге непостижимом не давало конкретного материала для их философских построений, то недостающее гностики заполняли воображением, придавая невидимому, безобразному бытию воображаемые чувственные образы»². «Рационалист» Сергей защищает здесь глубину тайноведения в традиции свв. Григория Нисского, Дионисия Ареопагита и других христианских мистиков.

Но задача богослова не сводится только к чисто отрицательным положениям перед лицом тайн Откровения. Как говорил митрополит Филарет Московский, «надобно, чтобы мы никакую, даже в тайне сокровенную, премудрость не почитали для нас чуждою и до нас не принадлежащею, но со смирением устроили ум свой к божественному созерцанию».³ Ум, восходящий к созерцанию тайны, находит верные выражения, которые служат путеводными вехами, чтобы возводить других к тому же созерцанию, отстраняя всё, что может явиться препятствием на этом пути. Догматическое заблуждение чаще всего состоит в ложном синтезе, в некотором изначальном смешении; и наоборот, христианские догматы представляются чаще всего в виде *различений*. Основной догмат, защита которого проходит красной нитью во всём споре святейшего Сергея против софиологии протоиерея С. Булгакова, является различием между *природой и личностью* в Боге и в разумных творениях — таинственное различие, лишь приоткрывающее для нас два неизвестных, противопоставляя их одно другому. Сергей Московский следующим образом выражает это различие природы и личности (ипостаси) в сотворенных существах: «Высшим отличием человека в земном мире является его ипостась, то есть самосознание. Человек не только живет, но и сознает, что живет и для чего, и притом сознает и принадлежащими ему, своими, все свои части и все их переживания. Думает не "телу больно", а "мне больно"; не "душа моя любит", а "я люблю" и т. д. Но также человек освещает своим самосознанием и присваивает себе, считает своим, и свой дух, почему и говорит не только "мое тело", "моя душа", но и "мой дух" или, как Апостол: "ваши дух, душа и тело" (1 Фес. 5, 23). Это свидетельствует, что ипостась (самосознание) и дух не одно и то же; что, не говоря уже о человеке, существе полудуховном и полутелесном, но и в чистом духе (каковы ангелы) можно различать, с одной стороны, ипостась — самосознание, а с другой — духовную природу, так сказать, предмет их самосознания».⁴

Это различие — основоположное для христианской антропологии — является также необходимым для богословия о Церкви. На нем основывается православное учение о личности, которое мы находим в богословских высказываниях святейшего Сергея. Нельзя смешивать личность с природой, их надо строго различать, но нельзя и разделять их, отрывая одну от другой. Как божественное естество немислимо в отдельности, вне трех Лиц Святой Троицы, так же и сотворенная природа существует

во многих ипостасях, или личностях. Сложный состав нашей тварной природы, телесно-душевно-духовной, которую мы сознаем как наше тело, нашу душу, наш дух, ставит нас в неразрывную связь со всей совокупностью сотворенного космоса. Как природное существо, человек есть часть этого целого, тварного мира. Но как существо *личное*, как ипостась, он не есть часть целого, но содержит в себе это целое. Как самосознающая тварная личность, каждый человек есть существо единственное, абсолютно неповторимое, не сводимое ни к чему иному, от всего отличное, ничем не определяемое, рационально не познаваемое. В этой неопределимости тварной личности — ее богоподобие, ее сотворенность по образу Божию. В нашем состоянии после первородного греха мы не знаем тварной личности в ее чистом виде: то, что мы в общезнании называем личностью, по существу личностью не является. Мы знаем лишь результат смешения — особи, индивидуумов, разбивающих единую человеческую природу, делящих ее между собой, относясь к ней как к своей «частной собственности», противопоставляя друг другу свои эгоистические интересы, как бы замкнутые участки общей природы. Вся христианская аскетика, а также и церковные каноны, направлены к отрешению от *своей* природы, от *своей* воли, стремясь к упразднению индивидуального, самостного, замкнутого в себе псевдоличного бытия. Отсюда отнюдь не следует, что христианство проповедует подавление личности коллективом: индивидуум не есть личность. И коренная тайна евангельской проповеди заключается именно в том, что человеческая личность не может вполне осуществиться, иначе как через самоотдачу, через отказ от своего, от своей природы. В ее чистейшем виде личность есть самоотрешение. Поэтому и откровение Божественной Личности было явлено нам в полноте в условиях жизни падшего мира через крестную смерть Богочеловека Иисуса Христа.

Богословская мысль, наделяющая природу ипостасным, личным началом, — как в софиологии отца Сергия Булгакова, — растворяет человеческие личности с их свободой по отношению к Богу и к миру в космическом процессе возвращения тварной Софии к Богу. С другой стороны, богословие, сохраняющее личный момент нравственно-волевого отношения человека к Богу, но отождествляющее человеческую личность с ее частной природой, — как в западной схоластике, — видит в раздробленном состоянии общей природы не результат греха, а «естественный порядок»; Церковь представляется обществом личностей-собственников «своей» природы, то есть индивидуумов, совершающих каждый свой путь спасения в морально-юридических нормах, определяющих права и обязанности каждого. Третья установка, в отличие от предыдущих, не смешивает, но совершенно отделяет личность от природы, низводя последнюю в низшую сферу бытия. Этот персонализм, свойственный некоторым представителям экзистенциальной философии, родившейся в протестантском мире, превращает человеческие личности в оторванных от общей природы и друг от друга носителей личной свободы, которую они не могут осуществить, отталкиваясь от реального природного бытия, предпочитая ему личность без жизни, самосознание в пустоте, свободу без содержания, бесплодную, анархически беспокойную, саму себя истребляющую. Эти три ложных учения о личности и природе могут быть пояснены тремя примерами из социальной области: тоталитарность сверхличного мифа, индивидуализм «духовного мещанства» и беспочвенность «вечной революции». Не следует ни отождествлять, ни отделять личность от природы, но, в согласии с догматом веры, утверждающим неизглаголанное различие трех Лиц и единой Природы в Боге, надо находить то же таинственное различие и в существах, созданных по образу Божию. Только на этой основе можно найти верную формулировку учения о Церкви и мире.

Ясное различие природы и личности дало возможность святейшему Сергию формулировать догматическую основу православного почитания Божией Матери — совершенной человеческой личности, единственной достигшей той полноты, к которой призвано творение. Пресвятая Дева стала Матерью Божией по плоти благодаря особому дару, сообщенному в Ней Ее человеческой природе. Но Она не осталась только природным орудием божественной воли, только средством, избранным Богом для Своего воплощения. Как личность, Она до конца отрешилась от Себя, сделав из дара богоматеринства, осуществившегося в Ее очищенной природе, Свой личный путь совершенного отдания Богу, всецелого соединения с Ним, которое достигло своего предела в Ее успении. Мать Божия не только по плоти, не только по Своей природе, но и как личность, сознательно принявшая и осуществившая в Себе богоматеринский путь как вольный подвиг всей Своей жизни, стала первой человеческой личностью, уже достигшей высшей цели, того обожения творения, ради которого был создан мир. Поэтому смерть и тление не могли удержать Пречистую Мать, и мы почитаем Ее человеческую личность, ставшую по ту сторону смерти и воскресения, как Владычицу, как Царицу Небесную, рядом с Царем Христом. В Нем Божество приняло в Свою ипостась человеческую природу, для того чтобы человек мог обожиться; в Ней — первая человеческая ипостась достигла этой цели, стяжав полноту богобытия в Духе Святом. Здесь богословская мысль святейшего Сергия, основанная на различении природы и личности, приводит нас к глубочайшей тайне, относящейся к учению о Церкви, основанной двойным нисхождением Сына и Святого Духа.

Таковы основные черты богословской мысли святейшего Патриарха Сергия, его завет богословию о Церкви, всякой будущей экклезиологии, желающей отвечать исканиям современной религиозной и философской мысли. Как всё, что укоренено в церковном Предании, это богословие одновременно и новое, и древнее, как само христианство. Явленное в условиях русской поместно-церковной жизни, оно побуждает весь христианский мир к осознанию догмата о Церкви. Как некогда Василий Великий, почивший Московский Патриарх «*через единый град возжег огонь для всей вселенной*»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несколько измененная цитата из *Epitaphia* 119, PG 38, 75. - *Ред.*

² Лосский цитирует доклад Патриарха Сергия, на основании которого был издан Указ Московской Патриархии № 1651, опубликованный в настоящем сборнике, с. 485-502. - *Ред.*

³ См. *Митр. Филарет*. Слово в день обретения мощей свт. Алексия // Слова и речи. Т. 2. М., 1844. С. 87. - *Ред.*

⁴ Лосский цитирует доклад Патриарха Сергия, на основании которого был издан Указ Московской Патриархии № 2267. См. публикацию данного Указа в: Символ. № 39 (июль 1998). С. 174-186. - *Ред.*

⁵ См. *Свт. Григорий Богослов*. Oratio 43, in laudem Basilii Magni, 25, PG 36, 532. - *Ред.*